



Фото Дмитрия Елагина

**Автор**

**Апостолов Андрей** – директор Центра восточноевропейских исследований Института экономических стратегий (г. София, Болгария).

# Бархатный сезон 1989 года

25 лет назад Восточная Европа была охвачена «бархатными революциями», которые привели к тому, что соцлагерь рухнул в одночасье. До сих пор появляются конспирологические теории, объясняющие, как это могло случиться столь быстро, обсуждаются самые разные сценарии: план, разработанный в Кремле, план КГБ, новая Ялта...

Одно ясно: если и существовал сценарий, то его писали очень слабые сценаристы; если имелся план, то его составители были непрофессионалы. Мальта не стала Ялтой, а внутривластные перевороты не оправдали надежд партийной номенклатуры остаться у власти под демократическими лозунгами и с партийными билетами. Горбачевизация Восточной Европы не принесла больше социализма, она его просто уничтожила.

Не случайно вскоре после революции и «сценаристы», и «составители», и номенклатура исчезли — они, вероятно, думали, что сделали верный ход, но не учли, что есть еще один игрок — люди.

*Все «бархатные революции» в Восточной Европе совершались по схожим сценариям, почти одновременно и, что самое главное, очень быстро! Руководство чехословацкой компартии, объявляя об отказе от монополии на власть, описало этот процесс таким образом: «Польша — 10 лет, Венгрия — 10 месяцев, ГДР — 10 недель, Чехословакия — 10 дней».*



**1989** год начался хорошо, это было время больших надежд. Для всех. Сначала русские вывели войска из Афганистана на радость себе и западным демократиям, коммунистическому Китаю и арабским шейхам. Потом пришли талибы, но это уже другая история. Перестройка принесла какой-то странный ветер в Восточную Европу — запахло переменами. Люди с надеждой и даже с любовью смотрели на Кремль, в то время как партократия переживала стресс после каждого выступления М.С. Горбачева. Сам же Горбачев упивался собственной значимостью — Мессия с партбилетом при руководящей и направляющей роли КПСС и на фоне дальнейшего развертывания социалистической демократии.

«КПСС не сомневается в будущем коммунистического движения — носителя альтернативы капитализму... Мы идем к новому миру — миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда!» Это из его выступления 2 ноября 1987 года. Два года спустя от социализма ничего не останется, а самая большая трансформация в мировой истории станет свершившимся фактом. Она произойдет без войны, что нетипично для человечества, и под безучастным взглядом Кремля, что тоже нетипично.

«В России все глухо, революции не предвидится», — писал В.И. Ленин в 1917 г. за месяц до Февральской революции. В Восточной Европе в начале 1989 г. не все было глухо, но о революции никто и не думал. Все помнили безуспешные попытки перемен и реакцию Москвы — много социалистического интернационализма плюс танки.

Все «бархатные революции» в Восточной Европе совершались по схожим сценариям, почти одновременно и, что самое главное, очень быстро! Руководство чехословацкой компартии, объявляя об отказе от монополии на власть, описало этот процесс таким образом: «Польша — 10 лет, Венгрия — 10 месяцев, ГДР — 10 недель, Чехословакия — 10 дней».

Уже тогда привлекла внимание именно скорость, с которой произошел распад социалистического лагеря. Трудно сказать, почему это случилось, но одно очевидно: процесс распада стал возможен благодаря молчаливому согласию Кремля и пренебрежительному отношению Москвы к Восточной Европе. «Они при нас, никуда не денутся, объясним — поймут», — как писал помощник Горбачева Г.Х. Шахназаров. Однако не поняли!

В последнее десятилетие истории СССР в стране превалирова-

ло, хотя и скрытое, противоборство между обитателями дома № 4 на Старой площади и дома № 2 на Лубянке. Одни утверждают, что со времен Андропова КГБ взял власть в свои руки, доминируя над КПСС. Другие же придерживаются противоположного мнения.

Однако игра в «хорошего и плохого полицейского» просто бессмысленна, учитывая, что обе структуры происходят из партии, а ее корни — рядом с Лениным, в Мавзолее. И все-таки кто дергал за веревочки в 1989 г.? Горбачев, опьяненный всемирной славой и не видевший, что

происходит в стране? Или Лубянка, которой были не по вкусу вальсы на Старой площади, но которая находилась в странном нокдауне?

Когда восточноевропейцы «уходили», мы не верили своим глазам, не верили тому, что система распалась так быстро. В Кремле тоже были удивлены. Они сами инициировали эту трансформацию в надежде, что произойдет она в рамках процесса развития социализма, а в итоге оказалось, что социализм исчез вместе с союзниками. Кремль с реформаторами оказался в роли проигравших.

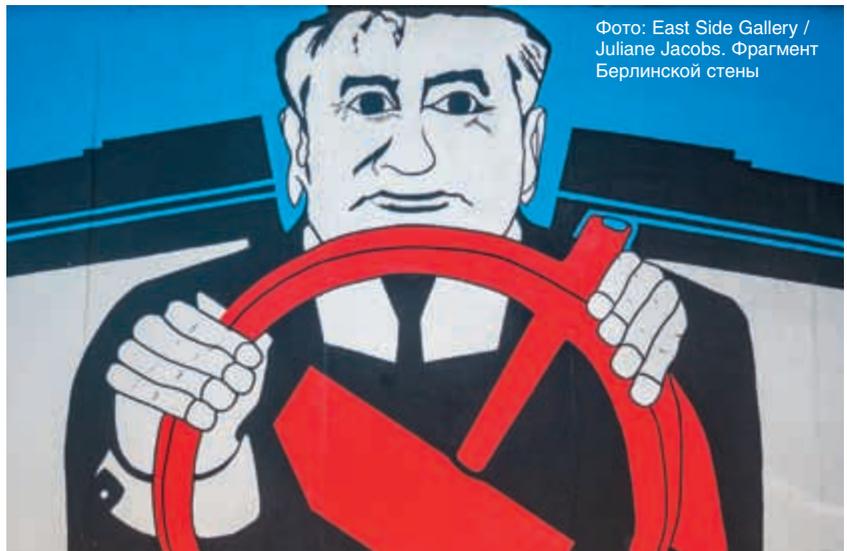


Фото: East Side Gallery / Juliane Jacobs. Фрагмент Берлинской стены



Фото: East Side Gallery / Juliane Jacobs. Граффити «Братский поцелуй» Врубеля на Берлинской стене

«Я глубоко убежден, что все эти „бархатные революции“ по существу были подготовлены внутренним развитием социалистических стран Восточной Европы. Те процессы, которые мы тогда понимали как негативные, созревали очень давно. В 1953 году были волнения в Берлине, и впервые пришлось использовать танки, чтобы их подавить. В 1956 году — восстание в Будапеште и других городах Венгрии. Я уже не говорю о 1968 году и чехословацких событиях. Подобные высту-



**Леонов Николай Сергеевич,**  
генерал-лейтенант,  
начальник Аналитического  
управления КГБ в период  
«бархатных революций»

пления происходили постоянно. Это был протест против догматического, уродливого претворения в жизнь подлинных социалистических идей в этих странах.

Дело в том, что наше Политбюро не хотело видеть реального положения вещей. Тому был целый ряд причин: идеологическая зашоренность, старческие явления, привычка к монополюльной власти в Советском Союзе.

Андропов, когда я досаждал ему своими критическими замечаниями, бросал такую фразу: не учите нас управлять государством.

Однажды Э. Хонеккер направил Л.И. Брежневу личное послание, в котором писал о том,

что руководителям братских партий необходимо провести встречу — и не однодневную, как обычно, с банкетом и официальными фотографиями, а хотя бы недельную, — и без прессы, без догматических деклараций конкретно поговорить о том, что у кого „болит“, где у кого „жмет ботинок“. Брежнев ответил, что это несвоевременно, не надо паниковать. У всех было ощущение, что все идет нормально, а болезнь тем временем развивалась.

Распад социалистической системы готовился десятилетиями, а руководство Советского Союза закрывало на это глаза. Когда при Горбачеве СССР ослабел, все посыпалось».

Гласность, перестройка, ускорение! Большинство людей в Восточной Европе даже не пытались вникнуть в сущность этих понятий. Для них был важен тот факт, что начали исчезать табу, что появился шанс для изменений, раз в Кремле что-то происходит. Конечно, от нового московского мышления люди ждали разного. Но и в жившей в условиях военного положения Польше, и в Чехословакии, где все еще чувствовался ветер Пражской весны, и в Венгрии, хранившей кровавые воспоминания о 1956 году, стала очевидной возможность кардинальных перемен. В ГДР надеялись на то, что родственников больше не будет разделять Берлинская стена, а в Болгарии, где диссидентов можно было пересчитать по пальцам, ожидали смены несменяемого Т. Живко-

ва, чтобы продолжить движение в том же направлении. В Румынии? Честно говоря, я не уверен, что в Румынии на что-то вообще надеялись.

Лидеры соцстран понимали, что братская, нерушимая дружба с Советским Союзом, в которой клялись и у которой были свои физические измерения, дала трещину. Мужские поцелуи Брежнева, доводившие до слез членов Политбюро, бряцание многочисленными орденами и медалями разных стран — общим числом 91 (в том числе 13 раз «Герой...», по три раза ГДР, НРБ и ЧССР) — вышли из моды.

Первый сигнал о том, что поцелуи, может, и останутся, но уже без любви, прозвучал после похорон Черненко, когда Горбачев заявил лидерам соцстран, что с этого момента каждая партия и ее руководство несет полную ответственность за события в собственной стране. Все удовлетворенно кивали — мало ли что говорят на похоронах, ведь ничего же не меняется, и главное — контроль остается в их руках.

Эта линия нашла продолжение в Записке в Политбюро ЦК КПСС «О некоторых вопросах сотрудничества с соцстранами», идея которой была сформулирована на рабочей встрече руководителей стран — членов СЭВ в ноябре 1986 года. Тогда Горбачев изложил новые принципы взаимоотношений соцстран: политические отношения будут строиться на основе равноправия и взаимной ответственности, согласования позиций; никто не может претендовать на особое положение; самостоятельность каждой партии; право суверенно решать вопросы развития страны; каждая партия несет ответственность за свою политику перед собственным народом.

Реакция — никакого беспокойства.



**Квицинский**  
**Юлий Александрович,**  
 дипломат, посол в ФРГ  
 во времена «бархатных  
 революций», заместитель  
 министра иностранных  
 дел, депутат Госдумы  
 (последнее интервью)

«Линия на отказ от вмешательства во внутренние дела социалистических стран была оглашена не в 1989, а еще в 1986 году самим Горбачевым в Министерстве иностранных дел. Он заявил тогда, что реально все восточноевропейские страны отошли от СССР. Но несмотря на это, не нужно держать их под контролем, под колпаком, а каждая из них пусть действует в соответствии с собственными решениями, согласно своей точке зрения и в своих интересах.

Все это казалось приемлемым для слушателей, интересным, поскольку речь шла не о ликвидации социалистического строя в этих странах, а о необходимости взаимного уважения. Но, наверное, за этими словами скрывался план, а может, нет или по крайней мере представление, что эти страны могут «оторваться» от нас, а нам в этом случае станет легче — не нужно будет помогать им».

Не все в восточноевропейских странах прочли послание Горбачева «по-горбачевски». Старая гвардия сразу увидела слабое звено в новой стратегии Горбачева: суверенное решение задач и ответственность перед своими народами для нее — это не отчитываться перед Москвой.

28 января 1987 года на заседании Политбюро Горбачев заявил: «Отход от нас есть и у Хонеккера, и у Кадара, и у Живкова. Экономические связи с Западом зашли далеко. Это результат того, что у нас в экономике не получалось. Там подошли к моменту смены руководства. Лидеры сидят по 35–25–17 лет. Проблем накопилось уйма. А таким людям в таком возрасте просто физически трудно справиться. В высших эшелонах у них, по сути, развернулась борьба... Нюансы в оценках есть. Они заметны. Кадар и Хонеккер не верят, что у нас процесс необратим. Гусак выдает много комплиментов, но против всего нового у себя... Живков говорит о кампанейщине: ваш Хрущев, мол, своими реформами вызвал 1956 год в Венгрии. А теперь вот Горбачев дестабилизирует социалистическое содружество. Но не надо драматизировать. Не надо считать, что это уже не дружба. Надо оставаться друзьями».

Однако «давайте жить дружно» не получилось! Очевидно, не все поняли, чего именно хотел Горбачев. Но столь же очевидно, что не ясно было, что конкретно нужно понять. Раздражение в Кремле, вызванное недооценкой или саботированием порывов Горбачева, по всей вероятности, родило идею — приступить к ускорению процессов изменений в самих руководящих партиях. Горбачев и его ближайшее окружение, эти своеобразные децемвиры<sup>1</sup> социализма, приступили к фазе прямого убеждения и активизировали послы на местах в плане разъяснительной работы среди партийной элиты.

По мнению Яна Рума, члена диссидентского движения «Харта-77», «еще в 1988 году Москва подготовила проект смены тогдашнего руководства Чехословакии, Болгарии и Румынии». Даже если согласиться с тем, что такой план был, то вопрос заключается в неясности последствий, а также в том, что именно стремился сделать Кремль. Горбачев использует иезуитскую формулировку: «Вам виднее, чем нам из Москвы», — когда лидер Коммунистической партии Чехословакии Густав Гусак обратится за советом, кому передать власть, или когда оппоненты Живкова будут искать поддержки в Москве.

В то же время в Кремле были убеждены, что на смену старой брежневской гвардии на высших этажах — Э. Хонеккеру, Т. Живкову, Я. Кадару — придут новые руководители, которые примут перестройку, и дела пойдут, то есть предполагалось что-то наподобие контролируемой социалистической демократии — революции сверху. Как говорил сам Горбачев, «процессы реформ и радикальных преобразований в социалистических странах подтверждают жизнеспособность социализма и его готовность ответить на вызов времени».

Однако Горбачев и компания неправильно просчитали ход событий. Идея была обречена на неуспех, потому что родственные души были из той же партийной номенклатуры, которая управляла социалистическими странами. Некоторые из них были помоложе и с амбициями, другие — с богатыми биографиями, сидящие в мягких креслах управленческой партийной элиты.

Старые кадры пребывали в уверенности, что переживут и эту волну трансформаций, а «юноша» из Ставрополя вернется домой, в село. Длительное сидение на стуле Человека № 1 в государстве притупило

у них инстинкт самосохранения. В Болгарии Т. Живков, которого еще Л.И. Брежнев определил как хитрого мужика в связи с его настойчивыми просьбами принять Болгарию в состав СССР в качестве 16-й республики, умно призывал болгар пригнуться, пока не пройдет кризис. В ГДР Э. Хонеккер был убежден, что Берлинская стена просуществует еще 100 лет. А гений Карпат, как СМИ величали Н. Чаушеску, был категоричен: «Скорее Дунай потечет вспять, чем в Румынии произойдет перестройка».

Партийная челночная дипломатия и разъяснительная работа послов тем не менее дали результаты. В конце 1987 года Горбачев успел уговорить Густава Гусака добровольно освободить партийный пост. Через год был смещен и Янош Кадар. А потом Горбачев в своей речи в ООН окончательно показал соцстранам, что дверь для выхода из блока открыта.



**Фалин**  
**Валентин Михайлович,**  
 дипломат, историк,  
 известный германист,  
 в годы перестройки —  
 руководитель  
 Международного отдела  
 ЦК КПСС

«Горбачев прибыл для участия в Генеральной Ассамблее ООН и заявил, что у нас есть договорные отношения с союзниками по Варшавскому догово-

ру об оказании помощи в случае внешней угрозы. Но мы не будем давать гарантии на случай внутренних процессов в этих странах. Наши войска не будут вмешиваться, чтобы помешать этим процессам.

Об этом заявлении М. Горбачева не была поставлена в известность ни одна страна, в том числе и Болгария. Даже советское руководство не знало о нем. Горбачев направил его текст в ЦК с борта самолета, для сведения.

Рядом со мной сидел Г. Киссинджер. Мы поддерживали с ним контакт с 1971 года, с переговоров по проблемам Германии. Он сказал мне: «Если бы я знал, какое заявление сделает Горбачев, то предложил бы Дж. Бушу договориться с Советским Союзом, чтобы его уход из Европы не выглядел как бегство, согласовать этапы, чтобы вы не потеряли престиж и честь». Встреча была после речи Горбачева».

Процесс выглядел необратимым. Весной 1989 года помощник Горбачева по внешнеполитическим вопросам А.С. Черняев отмечал: «Внутри растет тоска и тревога, ощущение кризиса горбачевской идеи. Михаил Сергеевич готов пойти далеко. Но что это означает? Любимое его словечко — непредсказуемость». А события за пределами СССР выглядят уже совсем предсказуемыми. В Польше легализована «Солидарность», которая достигла серьезного успеха на парламентских выборах в июне 1989 года, а уже в сентябре 1989 года сформировано первое некоммунистическое правительство. «Слабое звено» соцлагера рухнуло.

**Н.С. Леонов:** «В Польше я был не меньше 10–15 раз с аналитическими заданиями. Мне не раз приходилось докладывать Андропову и членам Политбю-

ро, что Польша — самое слабое звено социалистического лагеря. У нас даже был в ходу термин „недостроенный социализм“.

Помню, в начале 1980-х годов был назначен новый советский посол в ПНР Борис Аристов, выходец из партийной верхушки. Прочитав материалы советской разведки о положении в стране, он позвонил Юрию Андропову и высказал ему недовольство: дескать, ваши товарищи неправильно оценивают положение в Польше, сгущают краски, паникуют. Андропов спросил у меня, не слишком ли мрачную картину мы нарисовали. Я ответил, что у нас нет потребности искажать информацию, и предупредил, что обстановка в Польше с каждым днем становится все тревожнее.

Накануне введения военного положения в Польше мы говорили Андропову, что вопрос о социализме в этой стране решен не в пользу социализма. Партия утратила контроль над республикой, и крах неизбежен. Когда это произойдет — вопрос времени.

Когда начались события в Гданьске, Ю.В. Андропов спросил, почему рабочие бунтуют. Я объяснил, что подняли цены на мясо. Он поинтересовался, сколько мяса в год потребляют поляки? Отвечаю: по 50 кг. А Андропов говорит: у нас 35 кг и никто не возмущается! Еще он спросил меня, на чем держится социалистическая власть. Я объяснил: на скелете, построенном из партийных функционеров, МВД и армии, а все остальное — потеряно.

Во всех соцстранах ситуация развивалась в негативном отношении».

Принцип домино начинает действовать. В начале сентября правительство Венгрии открывает границу с Австрией, где ждут тысячи жителей Восточной Германии. Через десять дней после этого в Будапеште вводится мно-

гопартийная система. В тот же день Э. Хонеккер подает в отставку. До открытия границы между ГДР и ФРГ остается три недели.

**Ю.А. Квицинский:** «Естественно, эти процессы вызывали большой интерес, особенно процессы, происходившие в Польше, потому что расшатывание режима в Варшаве наносило ущерб нашим позициям в Европе — это был удар в спину советской группировке в Германии. Что же касается других восточноевропейских стран, то никаких активных процессов там не наблюдалось. Так что каких-то ожиданий в отношении быстрых перемен не было, насколько мне помнится.

В известном смысле эти события стали неожиданными для руководства страны. Даже и для правительства Федеративной Республики Германия они начались немного неожиданно. В августе 1989 года в Бонн прибыли венгерские руководители Миклош Немет и Имре Пожгаи. Они приехали, потому что в Венгрии завершился очередной эксперимент в экономике и страна была на грани финансового краха. Кстати говоря, такое случилось не в первый раз. Венгры просили миллиардный кредит, взамен предлагали предать ГДР, открыв границу в Австрию. В Бонне были страшно удивлены, там не сразу поняли, что именно им предлагают. Венгры получили свой миллиард, а после организовали представление на границе с Австрией — там уже ждали тысячи жителей ГДР. Это и послужило началом процесса, который привел к упразднению границы в Берлине, что в свою очередь стало смертным приговором для ГДР.

Не могу судить, что происходило в Москве, потому что в то время меня там не было, но после визита венгров понял, что что-то готовится, и написал в Москву. Позже мне объяснили, что не реагировали, потому что Кремлю не было известно об откры-



тия границы между Венгрией и Австрией.

В Москве решили не вмешиваться — это было в горбачевском стиле, а затем объявили, что СССР не будет вмешиваться во внутренние дела своих союзников, и началось...»

Пока велись споры о том, как трансформировать систему и придать ей «человеческое лицо», социалистический лагерь успешно двигался к экономической пропасти. Советский Союз был не в состоянии пережить мирное сосуществование в условиях гонки вооружений, Афганистана, интернациональной помощи и социалистической дружбы. Крах был предрешен, в Кремле видели это, но даже не догадывались о последствиях.

Еще осенью 1986 года известный профессор Р.А. Белоус направил в ЦК записку, в которой предупреждал, что на рубеже 1980–1990-х годов страны Варшавского договора окажутся в глубокой экономической пропасти и столкнутся с вытекающими из этого политическими и социальными проблемами. Что касается Советского Союза, то он окажется в таком трудном экономи-

ческом положении, что будет не в состоянии оказать им помощь. Кремль ответил молчанием.

Бесспорно, о стихийности процессов говорить нельзя. Но были ли они пущены на самотек Москвой или все-таки их контролировали спецслужбы? Что касается КГБ, то ответ скорее всего «нет», однако местные, восточноевропейские, службы были очень инициативными.

Пассивность Лубянки естественна — руководитель государства демонстрировал незаинтересованность. В свою очередь спецслужбам в лице их руководителя было приятно участвовать в мировой трансформации в направлении «больше социализма».

**Н.С. Леонов:** «КГБ... Могу сразу сказать, что эта версия несостоятельна. Вообще, что касается смещения руководителей, я помню только одну страну, в которой мы занимали, по крайней мере политически, позицию, враждебную по отношению к лидеру, — в ГДР выступали против Хонеккера. Мы считали, что Хонеккер уперся и никак не хочет принять перестройку. В отстранении Хонеккера с поста руководителя партии позиция Советского Союза,

безусловно, сыграла значимую роль — фатальную для него».

**В.М. Фалин:** «КГБ не играл никакой роли. Они тоже предпринимали не очень адекватные шаги. У них не хватило характера отстаивать свое мнение, когда было ясно, куда идет дело, когда было ясно, кто ведет дело.

Ни одна „бархатная революция“ не делалась в той стране, где она происходила. Брежнев говорил во время Пражской весны: вы не все знаете, а потом рассказал, что этими событиями руководили из Цюриха и Парижа — отсюда шли инструкции, деньги и кадры. То же самое в Польше — властям противостоял не Валенса, а некие мощные силы. Польская разведка была очень сильной, но ничего сделать не смогла.

В ГДР очень велико было влияние западных немцев. В марте 1988 года из безупречных источников в ФРГ я получил информацию о том, что в предстоящие три месяца можно ожидать развязку мощных антисоветских событий, и написал Горбачеву. Никакой реакции.

Было дано задание Крючкову, но по некоторым вопросам у него было меньше возможностей, чем у меня. Именно от меня, а не от Крючкова Горбачев узнал, что гэдээровские генералы и некоторые наши военные обсуждали такой план: заманить Горбачева в ГДР и там его арестовать.

Сейчас нет смысла гадать, кто и как. Нужно подождать 100 лет, пока будут опубликованы документы. Ведь до сих пор не опубликованы архивы, которые раскрывают подоплеку дуэли Пушкина с Дантесом».

Сам Горбачев позднее отвергнет возможность какого бы то ни было участия в смене восточноевропейских руководителей и так объяснит свое бездействие в 1989 году: «Я ни в коем случае не

хотел вводить „доктрину Брежнева“... Тем более я не хотел предлагать в руководство этих стран новых „наместников“ и, значит, опять перекидывать всю ответственность на Москву».

Однако Горбачев лукавит.

### **В Болгарии революцией и не пахло**

Достаточно проследить ход событий в Болгарии, которая являлась самым верным союзником СССР, чтобы понять, что на самом деле Кремль не оставался пассивным. В Болгарии даже не пахло диссидентским движением, не было кровавого восстания против системы, возможная смена в верхах ожидалась народом с нетерпением, а Москва считала, что ее можно вызвать без излишних потрясений. О перспективах социализма в Венгрии и Польше уже никто не думал!

**Н.С. Леонов:** «Революцией в Болгарии не пахло. Нам, в разведке, не пахло. Мы знали, что политика Живкова не кристальная. Нас коробило то, что Живков был инициатором награждения Брежнева орденами. Как только подходит какая-то годовщина, Живков дает очередной орден Брежневу. А за ним сразу — все остальные. В этом отношении Живков коррумпировал Брежнева, потакал его старческим слабостям, приучал к орденам, которые кроме смеха ничего не вызывали. К болгарам тогда имелись претензии такого рода: государство проводило политику болгаризации турецкого населения. Наши были против такой насильственной политики. Высказывались даже мысли в Кремле, что неплохо было бы провести федерализацию, то есть создать автономные турецкие области. Мы в разведке всегда высказывались против этих идей. Наша позиция была проста: федеральное государство рано или поздно расколется.



Живков не хочет федерализации, и правильно делает. Государство не должно делиться на национальные образования.

Не думаю, что наши принимали какое-то участие в смещении Живкова. Мы и не предполагали, что в Болгарии могут произойти такие события».

Генерал Леонов, безусловно, прав. Об этом свидетельствует содержание разговоров между высшими представителями КГБ и болгарской Государственной безопасности в то время: перестройка, социализм, новое мышление, демократия и т.п. Год 1989, июнь:

«Обстановка в мире все более стабилизируется, жить становится легче. Работа в этом направлении только начинается. Позитивные процессы все еще нельзя охарактеризовать как стабильные. И мы, разведка, должны констатировать, что новое мышление и переустройство международных отношений на новой основе все еще не стали необратимым процессом. Свою задачу мы видим в том, чтобы укреплять этот курс наших партийных и государственных руководителей...»

В Болгарии люди выстраиваются в очереди за журналами «Огонек» и «Новый мир». По пятницам, когда телевидение транслирует советские программы, все как один садятся перед телевизором, чтобы узнать, что проис-



Фото: БТА

ходит у Большого брата. Но революцией точно не пахнет. Хитрый мужик Живков, очень хорошо ориентируясь в ситуации, представляет себя еще бóльшим «перестройщиком», чем Горбачев. Он наносит тяжелый удар по самолюбию советского руководителя и его команды Июльской концепцией модернизации страны, которая означает поворот к Западу, и т.д.

В.И. Медведев, один из идеологов КПСС, член Политбюро, человек, близкий к Горбачеву, так описывает это: «Живков своим „сальгомортале“, резким переходом от критического отношения к перестройке, ее фактического неприятия, к радикальной перестроечной позиции, даже более радикальной, чем советская, поставил нас в довольно деликатное положение, вынуждая высказывать суждения, направленные вроде бы даже на сдерживание некоторых процессов перемен в Болгарии. Хитрый болгарский руководитель получил возможность парировать многие наши замечания: дескать, вы сами делаете то же самое, а когда мы начинаем двигаться в этом же направлении, возражаете».

В Москве были неприятно удивлены: критик-брежневист Живков перехватил инициативу. Пришлось Медведеву побеседовать с Живковым для выяснения позиций. В своей книге «Распад» идеолог КПСС пытается рассеять впе-

чатление о том, что болгарский документ вызвал в Кремле раздражение, даже ревность. Исходя из Июльской концепции можно заключить, что демагог Живков не имел намерения уступать власть. Основной целью «болгарской перестройки» было обновление социализма за счет равенства и многообразия форм собственности, отстранения компартии от управления государством, введения самоуправления фирм, общин и т.п. Что конкретно «испугало» Кремль, становится ясно из стенограммы разговора Медведева с Живковым, который является показательным в плане философии действий Москвы.

**В.И. Медведев:** «Вы считаете, что для раскрытия демократического потенциала социалистического общества, инициативы и энергии масс, повышения эффективности управления надо „перевернуть пирамиду власти“, ограничить роль среднего звена и центра лишь теми функциями, которые будут делегированы им с низового уровня. Откровенно говоря, нас смущает и постановка вопроса о том, что нынешняя политическая система в Болгарии не поддается модернизации, ее надо ликвидировать, заменить другой, новой, как об этом вы говорили на недавней встрече с секретарями ЦК братских партий по экономическим вопросам».

Мы сами считаем, что нужны кардинальные перемены. Но

каков их характер? Одно дело, когда уничтожается старый общественный строй, завоевывается политическая власть. Другое — нынешняя ситуация, когда речь идет не об этом, а о том, чтобы укрепить, упрочить народную власть.

На июльском пленуме ЦК БКП выдвинут тезис о том, что партия не должна быть субъектом власти. Весь вопрос в том, как его толковать...»

Медведев задает вопросы, которые задают и в восточноевропейских столицах в отношении перестройки: как понимать предложение «укрепить, упрочить народную власть», в то же время делая все, чтобы она исчезла? Как воспринимать отказ от вмешательства во внутренние дела и одновременно не ставить под сомнение социалистическое будущее?

Июльская концепция не спасет Живкова. В высших эшелонах болгарского руководства появится не одно и не два «новых лица», и они лихорадочно начнут искать способ не только увидеться с новым лидером в Москве, но и продемонстрировать верноподданничество. На этот раз в отличие от брежневских времен подносят не ордена и медали, а книги для автографа в тайной надежде, что новый лидер мирового социализма одобрит их кандидатуры.

И если по линии КГБ нет инструкций о том, что делать, то по линии КПСС и ее генерального секретаря поставлена ясная цель — сместить Живкова. По крайней мере это вытекает из утверждений тогдашнего советского посла Виктора Шарапова и дипломатов, в то время работавших в посольстве в Софии. А поиск преемника больше похож на подыскивание теплых мест для приятелей, чем на проявление дальновидности в политике. Ведь уже через несколько лет «новые лица» и «новый социализм» будут отвергнуты. И это произойдет не только в Болгарии, но и во всех восточноевропейских странах.

Давление на Живкова постоянно усиливалось. 5 ноября 1989 года посол-генерал в очередной раз встретился с Живковым и прямо заявил ему: «Советское руководство с большим пониманием относится к Вашему решению подать в отставку и поручило мне передать Вам, что Вы поступаете очень мудро». Живков онемел, поняв, что подал в отставку. С благословения Кремля хитрого мужика перехитрило его самое близкое окружение.

В тот же день пала Берлинская стена, а через неделю после разгона студенческой демонстрации в Праге была решена судьба социализма в Чехословакии.

Разрушение Стены и объединение Германии — это отдельная глава. Горбачев с самого начала не воспринимал отеческий тон Хонеккера, разрыв между ними увеличивался постоянно, хотя в Кремле сначала не ставили под сомнение необходимость существования Стены. Там надеялись, что со сменой Хонеккера в стране начнется перестройка и настоящий социализм. Об объединении даже не думали, не говоря уже об исчезновении ГДР с карты мира. Хотя было немало тех, кто предупреждал: забудьте о ГДР, давайте подумаем о том, что будет после нее!

Идея единой нейтральной Германии в центре Европы была предложена Советским Союзом еще в 1952 году. Это известная «Нота Сталина», в которой предлагалось следующее: Германия должна объединиться и стать нейтральным государством, провести общегерманские выборы и создать общегерманское правительство, созвать международную конференцию для рассмотрения проекта мирного договора. Блефовала ли Москва? Может быть... Потому что в любом случае была бы в выигрыше.

**Н.С. Леонов:** «Мысль об объединении Германии родилась намного раньше. В разведке она была сформулирована где-то в самом начале 70-х годов, даже

раньше — еще в 60-е годы. Тогда Советский Союз был мощным и очень влиятельным государством. А идея такова: Германию воссоединить, но под международным контролем и на основании международного договора, согласно которому будущая Германия будет внеблоковым государством. Ни в НАТО, ни в Варшавском договоре, чтобы разъединить эти пакты и их войска. Она должна была стать стабилизирующим фактором в Европе. Вот такая идея зрела в разведке».

В Кремле начали понимать, что рано или поздно нужно будет приступить к объединению Германии, но не смогли удержать процесс под контролем и оценить его последствия. Горбачев пребывал в растерянности: Запад восхвалял его, но у него не было ясности по вопросу объединения Германии. «Вся Европа в восторге от его высказываний там, в ГДР, — пишет его помощник Черняев. — И все говорят на ухо нашим дипломатам и вообще советским гражданам: хорошо, что СССР деликатно высказался против объединения Германии».

**Ю.А. Квицинский:** «Объединение Германии как конкретная политическая задача начала формироваться в западногерманском руководстве где-то около Нового 1990 года.

Коль сначала говорит о расширении контактов, в том числе о свободном движении людей. Но процесс внутреннего разложения в ГДР заставил западногерманских лидеров, и прежде всего Геншера, задуматься о том, что этому процессу можно придать качественно новый характер и использовать внезапно появившиеся возможности.

Когда убрали границу, я написал в Москву, что вопрос о существовании независимой ГДР является вопросом нескольких месяцев, потому что начнется массовое бегство на Запад, беспорядки.



Фото Ивана Бакалова. Демонстрация в Болгарии. Ноябрь 1989 г.



Удержать власть в таких условиях будет невозможно. Можно попытаться урегулировать этот процесс посредством использования национал-демократических партий, входящих в Национальный демократический фронт.

Но Москва не была готова к этому. Там считали, что если власть в ГДР начнет поддерживать СССР и перестройку, то положение стабилизируется.

Это была абсолютная иллюзия, потому что никакой четкой позиции относительно перестройки как пути к успеху социализма в Советском Союзе не было, поскольку под вопросом было само существование социализма в СССР.

Поэтому потеря ГДР была вопросом времени.

Есть, конечно, много легенд, связанных с этим. Одна из них — все произошло под нажимом оппозиции, но это не так. Утрата Восточной Германии стала результатом действий Советского Союза и Горбачева, который явно решил не защищать ГДР, а договориться с Западной Германией.

Только советское руководство могло попытаться хоть как-то контролировать этот процесс, потому что времени уже не было, ГДР разлагалась на наших гла-

зах. Разлагалась и наша военная группировка под воздействием окружающей среды».

Тэтчер умоляла Горбачева не делать этого. Французы тоже были не в восторге. Из Вашингтона поступали успокаивающие намеки на то, что это не первостепенная задача. В Кремле долго считали, что все под контролем, а ситуация давно уже не контролировалась Кремлем. Вопрос был только в том, когда это произойдет.

В КГБ считали, что социализм в ГДР умер. В Политбюро в это не верили, по крайней мере на словах, и были убеждены, что могут его реанимировать. Там рассматривали варианты развития событий в социалистических странах, прикидывали, чего можно ожидать. Вроде бы все продумали, предвидели, одновременно демонстрируя полную неспособность найти конкретное решение.

**В.М. Фалин:** «Когда я сопровождал Горбачева в его поездке на 40-летие ГДР, мы с Кочемасовым (посол СССР в ГДР) договорились, что, если к нему будут обращаться люди из руководства ГДР и ставить вопрос о том, что Хонеккеру нужно уходить, так как он болен, ему следует отвечать: делайте, как считаете нужным, не надо ничего согласовывать с Москвой. Так оно и вышло.

Буквально через две недели Хонеккер был отправлен в отставку. Но, к сожалению, это не привело к тем результатам, на которые мы рассчитывали, потому что у Горбачева контакт с новым руководством практически не состоялся. Сюда приезжал Кренц, потом Модров, де Мезьер. Горбачев играл с ними в игры».

**Н.С. Леонов:** «Когда мне пришлось поехать в ГДР в 1989 году, то у меня была другая задача. Крючков, который меня инструктировал, сказал: ты старый аналитик, все зубы съел на этой работе, поезжай и посмотри, можно сохранить ГДР как социалистическое государство или уже нельзя. Это было за две недели до крушения Берлинской стены, место Хонеккера занял Модров, в разведке не было Миши Вольфа, а были другие люди, то есть Германия уже рассыпалась. И в этой обстановке посылать меня с подобной миссией было практически бессмысленно.

Конечно, после серии встреч с представителями как прозападными, так и просоветскими сил, я написал, что никакой возможности сохранить ГДР как самостоятельное, а тем более социалистическое государство уже нет, что надо готовиться к похоронам ГДР. Как говорится, готовьте гроб, крышку, молотки и гвозди.

Написал в телеграмме, что надо подумать, как уберечь интересы Советского Союза на территории бывшей ГДР, то есть подумать об армии, имуществе, о наших гражданских, экономических объектах, которых там было немало. Подумать о связанных с нами людях. Речь шла только о сохранении позиций Советского Союза.

Телеграмму подписали я и тогдашний представитель КГБ в ГДР Новиков. Здесь, в Москве, она была разослана членам Политбюро. Всед за мной в Германию приехал Александр Яковлев. В беседе с нашим послом он сказал,

что КГБ рассылает панические телеграммы, в то время как в Германии происходит нормальный процесс демократизации, перестройки. Когда я вернулся в Москву и прочитал отправленную им телеграмму, подумал: кто-то из нас сошел с ума — или я, или Яковлев. Жизнь подтвердила, что я был прав».

### **Мы за ценой не постоим...**

Когда заходит речь об объединении Германии, одним из наиболее часто обсуждаемых вопросов является вопрос: сколько в действительности стоил немцам

рассказываемых обыкновенными людьми, не участвовавшими в переговорах. Говорят о каких-то огромных уступках, на которые неожиданно пошел Горбачев в Архызе, о том, что можно было получить 500 миллиардов марок за то, что ГДР войдет в состав ФРГ. Я считаю, что это рассказы людей, желающих выглядеть очень информированными, когда процесс уже завершился.

Лично я никогда не слышал, хотя и не участвовал лично в переговорах, чтобы Коль предлагал что бы то ни было. Это сказки. Как раз наоборот: он в течение всего времени доказывал

года, что мы сдали все позиции по этому вопросу, хотя инициатива объединения была советской. Он как всегда благополучно отказывался от этих козырей.

А дальше случилось то, что случилось. Он полностью отмежевался от социал-демократов, от других групп, которые имели свое представление о том, как объединять Германию. Он практически полностью отмежевался от ГДР, „заклинился“ на контактах с Кодем. Почему?

Во время поездки в Архыз Горбачев через Черняева обратился к помощнику Коля: „Дайте мне кредит в 4,5 миллиарда и получите все, что вы хотите“.

Во времена, когда Эрхард был канцлером Германии, нам предлагали 120 с лишним миллиардов, если откажемся от ГДР. В начале 80-х один очень правый политик в ФРГ предлагал кредит в 100 миллиардов, если мы согласимся, чтобы ГДР получила статус Австрии.

Мы сдали ГДР так же, как сдали Чехословакию в 1938 году. Вот это была наша демократизация по-горбачевски».

Так называемые «кремлевские реформаторы» находились в такой растерянности, что 3 ноября, то есть за 6 дней до падения Стены, в Политбюро все еще обсуждали, что делать. Шеварднадзе предлагал самим разрушить Стену, но Крючков мудро заметил, что это создаст определенные трудности восточным немцам.

Горбачев глубокомысленно сказал: «Запад не хочет объединения Германии, но хочет помешать этому с нашей помощью...» Это тот самый Горбачев, который за три дня до того убежденно объяснял новому лидеру ГДР Кренцу, что «Коль, по-видимому, не самый большой интеллигент, но пользуется определенной популярностью у себя в стране,



этот исторический акт? Цена, которую заплатили русские, известна. Приблизительно 350-тысячная военная группировка была выведена под звуки торжественных маршей. Даже Ельцин продемонстрировал свои дирижерские способности, в очередной раз качаясь на глазах у всего мира. Завершились торжества, и оказалось, что люди брошены в открытом поле, до них дошли какие-то крохи помощи, а торт съели другие. Сага об уходе Союза из Германии, о распродаже военного имущества и недвижимой собственности — отдельная тема.

**Ю.А. Квицинский:** «Думаю, что существует много легенд,

нам, что будет очень неприлично, если Советский Союз потребует от немецкого народа какие-то деньги за его объединение».

**В.М. Фалин:** «Призывая Хонеккера к перестройке и тому подобному, Горбачев предупредил его, мол, „за свои внутренние дела вы отвечаете сами, наши войска в ваши внутренние дела вмешиваться не будут“. Хонеккер как всегда ответил, что они в ГДР свою перестройку сделали.

Только потом Горбачев начал вслушиваться в то, что мы ему говорили: нам надо готовить программу объединения Германии, а до этого он только прислушивался. Хотя я его долбал и долбал еще с 1986

особенно среди мелкобуржуазной публики».

В 1989 году надежды на то, что что-то должно случиться (не только «больше социализма», но и немножко демократии), сбылись под равнодушным и умным взглядом Кремля. Горбачев должен был быть доволен — в Восточной Европе во главе стран стоят реформаторы, которые правильно понимают перестройку и готовы «упрочить народную власть».

Оказалось, однако, что народ не хочет, чтобы им управляли. И уже через пять лет после начала перестройки от социализма не останется камня на камне, Германия объединится, исчезнут социалистические режимы, за ними последуют Варшавский договор и СЭВ, а в конце концов — и СССР.

**В.М. Фалин:** «Он заигрывал со всеми ради простой вещи. Знаете, у Шекспира: „Полцарства за коня или коня за полцарства“. Он хотел остаться в седле как президент, потому что абсолютная власть портит абсолютно!»

Почему случились все наши основные кризисы? Сталин был болен — страна стала неуправляемой. Брежнев с 1975 года был практически получеловеком, совершенно больным. Он сам просил отпустить его на покой, но ему сказали „нет“, и, как мы говорили, правила банда четырех: Устинов, Андропов, Громыко и Сулов. Затем к власти пришел Андропов — совершенно больной, потом пришел Черненко — еще более больной. Потом пришел Горбачев, физически здоровый. Что он говорил? „Как говорил Ленин, сначала вяжемся в бой, а потом уже видно будет — и примем решение“. Во-первых, это говорил не Ленин, а Наполеон. Большая разница. Во-вторых, кто реформирует такую большую, сложную, многонациональную страну в таком сложном геополитическом положении таким способом — сначала разрушим,



а потом посмотрим? Ни одно решение, которое принималось Горбачевым, не осуществлялось, а если и осуществлялось, то с колоссальными поправками. Это называлось революцией в революции».

**Ю.А. Квицинский:** «Горбачев „сдал“ нас. Речь не идет о том, что он сознательно вел процесс к этому, скорее всего он утратил контроль над событиями. И в случае с ГДР он не давал приказа открыть границу, а просто наблюдал, что случится, и говорил, что это решение немецких товарищей».

Без Горбачева и ЦК КПСС не было бы никакого объединения Германии. Немцы вообще не ожидали, даже не мечтали о таком подарке».

**Н.С. Леонов:** «Горбачев? Мне трудно сказать. Это человек, который, на мой взгляд, был болен нарциссизмом. Помните, античный герой Нарцисс, который смотрел на себя в воду и так сам себе понравился, что превратился в цветок. Так и Горбачев, до такой степени сам себе нравился, что окаменел и остался в этой позе до сих пор. Он не понимает, что произошло, и упорно повторяет одно и то же. Это говорит о том, что речь идет о политической болезни, об идее фикс».

Перестройка, новое мышление. Вы должны ясно сказать людям, что вы вкладываете в каждое свое высказывание. Перестройка — хорошо, но надо четко объяснить нации, что и во что вы перестраиваете, какими путями. В одной из своих книг я уподобил его ребенку, который, за-

«Коль, по-видимому, не самый большой интеллект, но пользуется определенной популярностью у себя в стране, особенно среди мелкобуржуазной публики».

М. Горбачев новому лидеру ГДР Э. Кренцу

метив, что стул стоит неровно, начал пилой подпиливать ножку. С одной стороны подпилит — опять неровно. С другой подпилит — все равно не равно. И так подпиливал до тех пор, пока от стула не осталось одно сиденье».

Вот и Горбачев реформировал страну, которая досталась ему не по заслугам, а благодаря его покровителям из Политбюро».

В 1989 году Восточная Европа прыгала от радости и благодарил Горбачева. Может быть, он казался нам наивным болтуном из Политбюро, но одно верно: не будь перестройки, мы все еще ходили бы пригнувшись, ожидая, пока пройдет буря (по Живкову), и вдоль Берлинской стены (по Хонеккеру).

В СССР в 1989 году не прыгали от радости. И не из-за Восточной Европы. Огромная страна столкнулась с собственными проблемами... Растущий дефицит, талоны, забастовки, волнения, политическая демагогия, неясные цель и направление развития. Очень скоро станет ясно, что второе дыхание, которое должен был обрести новый общественный строй в процессе преобразований и реформ, как убеждал тогда Горбачев, окажется его последним вздохом. **Э**

ПЭС 14105/25.09.2014

**Примечание**

1. Децемвиры (лат. decem viri «десять мужей») — в Древнем Риме — коллегия из десяти человек, образованная для исполнения духовных или светских обязанностей в государстве».